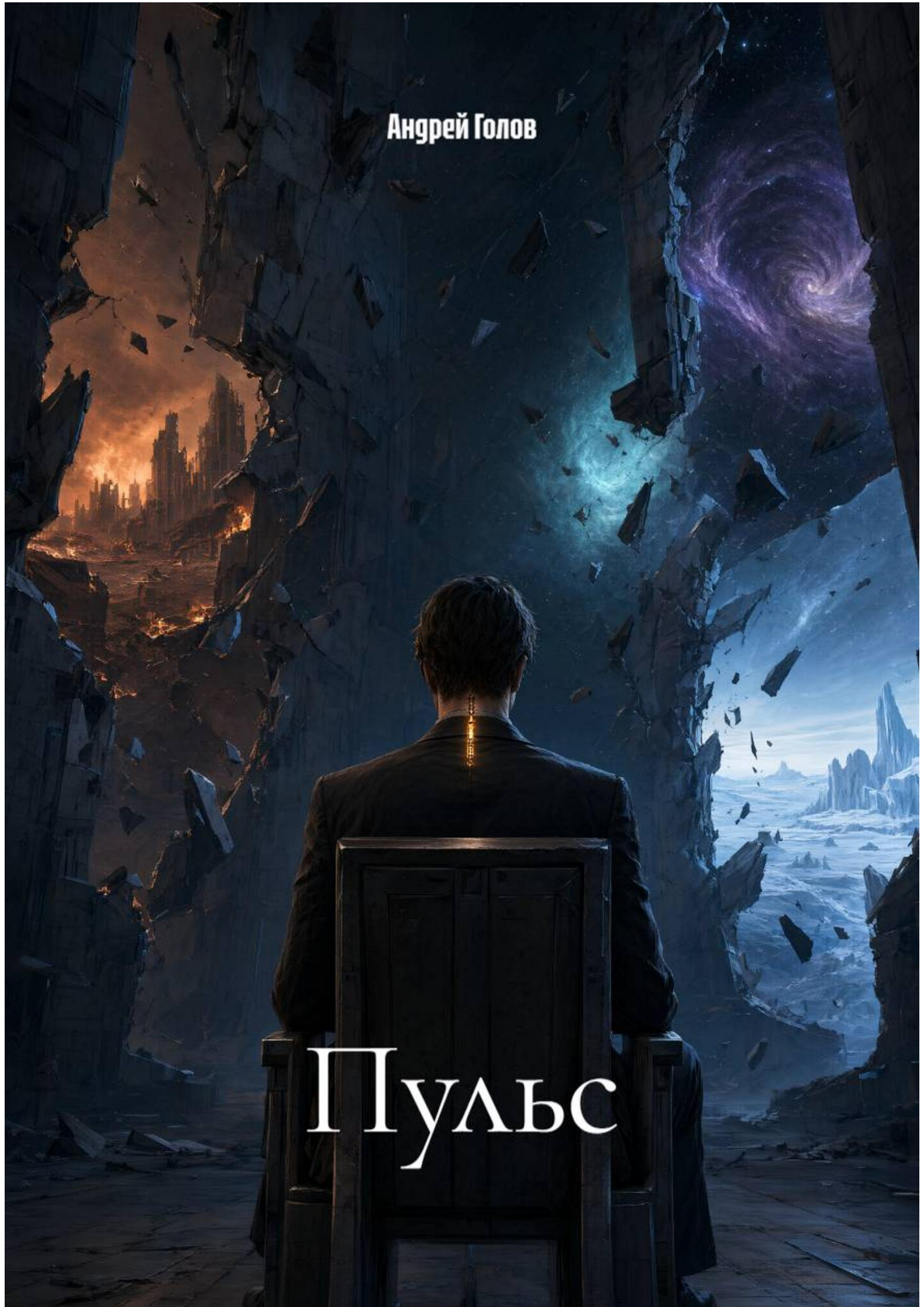

Андрей Голов

Пульс

Андрей Голов

Пульс

«Автор»

2026

Голов А. Д.

Пульс / А. Д. Голов — «Автор», 2026

Каждый вечер он засыпал под один вопрос: зачем я живу? А однажды проснулся с чужой памятью в шее и чужим лицом в зеркале. Его выбрали, потому что он пуст. В пустоту можно влить то, что сломает любого полного. Теперь он — двойник Главы. Того, кто подписывает смерть миров. Того, кто держит стены между вселенными. Сопротивление хочет его руками украсть ключ и освободить миры. Организация хочет его руками эти миры удержать. Обе стороны правы. Обе лгут. И третьего варианта нет — только кресло, подпись и вес, который не снимешь. «Пульс» — не фантастика о мультивселенной. Это книга о том, каково сидеть там, где каждое решение — чья-то жизнь, и нельзя не решать. О том, как пустой человек становится тем, кто держит. И о трёх сантиметрах, которые он оставляет себе. Единственных, которые никто не отнимет.

© Голов А. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серый	5
Глава 2. Игла	7
Глава 3. Тишина после бега	9
Глава 4. Что им нужно	11
Глава 5. Архив	15
Глава 6. Подготовка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Андрей Голов

Пульс

Глава 1. Серый

Утро начиналось с цифры.

Не с солнца, не с запаха кофе, не с чьего-го голоса. С цифры. Он открывал глаза, и мозг, ещё не проснувшись до конца, уже подбрасывал: сколько отчётов не сдано, сколько строк в таблице осталось незаполненными, сколько писем не прочитаны. Цифры. Первые, кто с ним разговаривал каждый день. И последние, кто замолкал ночью.

Он вставал. Шёл в ванную. Вода из крана — тёплая, потом горячая, потом снова тёплая. Тридцать секунд. Каждый раз. Зеркало. Лицо, которое он видел так долго, что перестал замечать. Глаза, которые смотрят, но не видят. Рот, который ест, но не чувствует вкус. Он чистил зубы. Две минуты. Шёл на кухню.

Кофе. Потому что нужно было что-то держать в руках, пока сидишь перед окном и смотришь на двор, в котором ничего не меняется. Та же машина. То же дерево. Та же женщина с собакой, которая поворачивает налево.

Он допивал. Мыл кружку. Шёл на работу.

Офис был серый. Не в смысле цвета — стены были белые, столы светлые, мониторы яркие. Серый был воздух. Серые были голоса. Серые были лица коллег, которых он видел каждый день и не мог вспомнить, как зовут половину из них. Кто-то здоровался. Он отвечал. Кто-то спрашивал, как дела. Он говорил: «Нормально». Самая честная характеристика его жизни.

Цифры. Таблицы. Отчёты. Колонки складывались в столбцы, столбцы в сводки, сводки в презентации, которые кто-то посмотрит три минуты и забудет. Он делал это хорошо. Аккуратно. Без ошибок. Начальство хвалило. Коллеги не замечали. Он не замечал, что его не замечают.

Иногда, очень редко, между третьей и четвёртой таблицей, он поднимал голову. Смотрел в окно. И видел что-то, что не вписывалось. Вывеску нового кафе. Чей-то логотип. Объявление: «Открыт набор на курс по запуску своего дела». И внутри что-то дёргалось. Как старая мышца, которую давно не напрягали.

Когда-то у него была папка. Синяя. Потрёпанная. В ней — наброски. Идея. Название. Чёрт-знает-что ещё, что он записывал по ночам, когда не мог уснуть. Он хотел своё. Маленькое. Своё. Не это. Не колонки. Не сводки. Своё.

Папка лежала в нижнем ящике стола. Третий год. Может, четвёртый. Он не открывал её. Не потому что забыл. А потому что помнил. И помнил, как решил, что не сейчас, что сложно, что не время, что потом, и как это «потом» растянулось, размылось, стало сначала «может быть, в следующем месяце», потом «когда будет полегче», потом «когда-нибудь», а потом перестало быть даже словом и стало просто пустым местом, куда он больше не смотрел, потому что там лежал не проект, а человек, которым он не стал, и открывать ящик значило увидеть этого человека, живого, с набросками и названием и верой, и понять, что он мёртв уже давно, и не он его убил, а каждый день, в котором он говорил «завтра».

Он опускал голову. Возвращался к таблице. Цифры складывались. День складывался. Ничего не происходило.

Вечер был такой же, как утро. Только без кофе. Дорога домой. Та же улица. Те же окна, в которых загорался свет. Та же женщина с собакой, которая теперь поворачивала направо. Он шёл. Не торопясь. Просто переставляя ноги, потому что стоять было негде, а идти было куда.

Квартира встретила тишиной. Той, которая пустая. Когда заходишь и не нужно говорить «я дома». Потому что некому.

Он снял обувь. Разогрел что-то. Съел. Не чувствуя вкуса. Сел на диван. Включил что-то на экране. Не смотрел. Просто нужно было, чтобы был звук. Чтобы тишина не давила. Экран менял цвета. Он не запоминал. В голове было пусто. Как в комнате, из которой вынесли мебель. Остались стены. Остался пол. Но жить в этом было нельзя.

Он выключил экран. Стало тихо. По-настоящему.

И тогда пришёл вопрос.

Не впервые. Он приходил каждый вечер. Каждый раз, когда тишина становилась полной. Ложился рядом. Как старая собака, которая привыкла спать у ног.

Зачем я живу?

Не «зачем я так живу». Не «как мне изменить». Не «что делать». Просто — зачем. Какой в этом смысл. В колонках. В кофе. В женщине с собакой. В воздухе офиса, в котором нечем дышать, хотя окна открыты. В папке, которую он не откроет. В лице, которое он не замечает в зеркале.

Он не искал ответ. Давно перестал. Ответа не было. Был только вопрос. Тихий. Привычный. Почти родной. Он засыпал под него. Каждый вечер. Как другие засыпают под шум дождя.

Он лёг. Погасил свет. Потолок. Тёмный. Ровный. Такой же, как вчера. Такой же, как завтра.

Глаза закрылись.

В голове — тишина. Впервые за день. Ни цифр. Ни таблиц. Ни вопроса. Просто тишина.

Он уснул.

Ничего не предвещало.

Глава 2. Игла

Тишина.

Та самая, в которой он засыпал каждый вечер. Пустая. Ровная. Ничего.

А потом — свет.

Резкий. Белый. Бьющий сквозь веки. Звук. Чёткий. Щелчок замка. Шаги. Много. Чужие. В его квартире. В его тишине.

Он открыл глаза. Не успел понять. Не успел сесть.

Прижали так, что не встать, не дёрнуться, и чья-то ладонь легла на рот — мягко, почти извиняясь, как извиняются те, кто делает это не первый раз.

Он дёрнулся. Глаза метались. Комната. Его комната. Его потолок. И в ней — люди. В тёмном. Без знаков. Лица закрыты. Или просто тени, потому что свет резал всё на куски.

Один. Без маски. Усталое лицо. Обычное. Как у коллеги. Как у человека в очереди за кофе.

В руке — шприц. Длинный. Тонкий. Внутри — жидкость. Серо-зелёная. Двигалась. Медленно. Как будто дышала.

— Не надо. — Свой голос. Тяжелый. Хриплый. — Что вы. Не надо.

Человек со шприцем посмотрел. Сочувствующе.

— Это необходимо. Процедура должна быть завершена. Это не причинит боли. Не сразу. Не сразу.

Игла вошла. В шею. В ту точку, где кожа тонкая и под ней пульсирует живое. Холод. Не иглы. Жидкости. Как будто в него влили зиму. Оно пошло. По венам. По горлу. В грудь. В голову.

Он хотел закричать. Не смог. Тело стало чужим. Расстояние. Как будто он отодвинулся от собственных рук. От собственных ног. Смотрел на них откуда-то издалека. Из глубины. Из ямы, в которую провалился и не мог выкарабкаться. Тело было там. На кровати. А он — здесь. Внутри. Глубоко. Один.

— Готово. Держите его ещё минуту. Пусть усвоится.

Голоса. Далёкие. Или близкие. Не понять. Кто-то отпустил плечо. Кто-то шагнул в сторону. Не бросили. Просто ослабили. Как будто дальше не нужно. Как будто всё уже сделано.

В этот момент тело дёрнулось. Не он. Тело. Само. Животное. На адреналине, на панике, на том древнем, что живёт глубже мыслей. Локоть. Колено. Вскочить. Не думать. Бежать.

Кто-то потянулся за ним. Не ударить. Схватить. Остановить. Но другой голос, тот же, спокойный:

— Не надо. Не трогайте.

Рука остановилась. Отступила. И он увидел — на секунду, в свете, в хаосе — что никто не бежит за ним. Никто не целится. Никто не кричит «стой». Они просто стоят. Смотрят. И в этом взгляде не злость. Не угроза.

Жалость.

Он рванул. Дверь. Коридор. Лестница. Ноги слушались наполовину. Хватали воздух. Спотыкались. Но несли. Вниз. Вниз. Вниз. Дверь подъезда. Ночь. Воздух. Холодный. Настоящий.

Он побежал.

Улица. Фонари. Мокрые тротуары. Небо чёрное, без звёзд. Он бежал, не зная куда. Не зная зачем. Просто от. От них. От квартиры. От того, что в него влили.

Город проносился. Витрины. Светофоры. Редкие машины. Кто-то смотрел ему вслед. Он не видел. Не мог. Потому что внутри, за глазами, за паникой — вспыхивало.

И тогда — не его. Не его ноги. Не его дыхание. Чужое. Всплыло. Как из-под воды. Не его бег. Другой.

Бег. Не от. К. Быстрый. Ровный. Целенаправленный. Коридор. Длинный. Свет холодный. И в голове одна мысль. Одна. Не «страшно». Не «не хочу». А: «Успеть. Нужно успеть. Нужно быть там. Сейчас. Немедленно». Ноги несут. Дыхание ровное. Рука сжимает что-то. Бумагу. Документ. Что-то, что нужно подписать. Что-то, что нужно решить. И если не сейчас — если не успеть — то всё. Всё, что держится. Всё, что ещё стоит. Рухнет. Не потом. Не завтра. Сейчас.

Вспышка оборвалась.

Он споткнулся. Поймал равновесие. Побежал дальше. Сердце колотилось. В горле — железо. В глазах — мошара из света и тени. Поворот. Ещё. Узкий переулок. Тёмный. Он не сбавил. Не мог сбавить. Тело не слушалось настолько, чтобы остановиться.

И врезался.

Не в стену. Не в столб. В людей. В живое. В тёплое. Плечо в чьё-то плечо. Локоть в чью-то грудь. Удар. Глухой. Телесный. Его отбросило назад. Он упал. Спина на асфальт. Затылок — об землю. Не сильно. Но достаточно, чтобы в глазах вспыхнуло белым.

Над ним — лица. Два. Три. Четыре. Не в форме. Не в масках. Обычные. Куртки. Капюшоны. Но глаза — острые. Смотрят. Не на него. Сквозь. Оценивают. Считают.

Кто-то присел рядом. Быстро. Пальцы на шею. Не пульс. Ищут. И находят. Точку. Ту самую. Где игла. Где холод.

Тишина. Короткая.

Потом голос. Тихий. Напряжённый.

— Они его уже тронули.

Кто-то другой, сверху:

— Забираем. Быстро.

Руки. Резкие. Подхватили. Поставили. Повели. Не спрашивая. Не объясняя. Не глядя ему в глаза.

Он не сопротивлялся. Не мог. Не хотел. Не знал, кто они. Не знал, куда. Не знал, зачем. Знал только одно: назад нельзя. В квартиру нельзя. К себе прежнему нельзя.

Потому что прежнего больше не было.

Его вели. Ночь. Переулки. Чужие руки. Чужие шаги. И внутри головы — тишина. И точка. Холодная. Маленькая. Там, где игла.

Рядом с ней — кто-то. Молчит. Дышит. Ждёт.

Глава 3. Тишина после бега

Переулки. Дворы. Арки. Город в три часа ночи — пустой, мокрый, равнодушный. Фонари горели для кого-то другого. Окна были тёмные. Мир спал. А он — нет. Он шёл. В чужом темпе. В чужом направлении. В чужую жизнь, которая началась час назад с иглы в шее.

Кто-то из них шёл впереди. Кто-то сзади. Не разговаривали между собой. Не объясняли. Не извинялись. Просто вели. Как ведут того, кто не уйдёт. Не потому что держат. А потому что некуда.

Он не спрашивал. Не «куда», не «кто вы», не «что со мной». Пока нет ответа — это ещё не реальность. Ещё сон. Ещё можно проснуться в своей квартире. В своей пустоте.

Не проснётся.

Место. Не квартира. Не подвал. Что-то между. Бывший офис, может быть. Или склад. Стены голые. Свет тёплый, тусклый. Лампы переносные. Столы. Карты на стенах. Не географические. Другие. С линиями, которые он не понимал. С точками. С пометками.

Люди. Не много. Пять. Шесть. Женщина у окна вязала шапку — маленькую, детскую, с помпоном, который она то и дело трогала пальцем, проверяя, не отваливается ли. Она не подняла глаз, когда его ввели. Кто-то сидел за столом и вслух читал что-то с телефона, хихикая в кулак, и сосед шикнул на него, и он шикнул в ответ, и оба замолчали, и через секунду снова захихикали, тише. Кто-то поднял голову. Посмотрел. Опустил голову. Вернулся к своему. Никто не вскочил. Никто не закричал. Будто приводить людей с улицы в три часа ночи — часть распорядка.

Его посадили. Стул. Металлический. Холодный. Он сел. Руки на колени. Пальцы не слушались. Дрожать перестали, но слушаться, так и не начали. Просто лежали. Чужие. Как всё остальное.

Кто-то поставил перед ним стакан. Вода. Простая. Прозрачная. Он посмотрел на неё. Взял. Выпил. Не почувствовал вкуса. Просто глотнул. Поставил стакан обратно.

— Ты в безопасности, — сказал кто-то. Голос спокойный. Усталый. — Они сюда не придут. Не найдут. Слышишь? Ты в безопасности.

Он кивнул. Не поверил. Просто не было сил не кивнуть.

— Отдыхай. Утром поговорим.

Шаги. Тихие. Ушли. Не все. Кто-то остался. В углу. Не смотрел. Но был. Слышал. Дышал.

Он сидел. Смотрел в пол. Пол был грязный. Пыльный. Как и всё. Как и он. Как и его прежняя жизнь.

До.

Было ли оно? Было ли оно вообще? Квартира. Стол. Таблицы. Кофе. Женщина с собакой. Папка в ящике. Было ли это с ним? Или с кем-то другим? С тем, кто заснул вчера и не проснулся.

Он поднял руку. Потрогал. Пальцы нашли место. Маленькое. Гладкое. Не ранка. Не след. Просто метка. Как будто кто-то поставил галочку. Здесь. Этот. Готово.

Девушка появилась на секунду. Прошла мимо. Волосы собраны. Куртка тёмная. Глаза — занятые. Исчезла за дверью.

Он не понял, кто это. Не запомнил лица. Только ощущение. Что она видела. Не его. Сквозь. Сквозь и дальше. В то, что за ним. В то, что он ещё не знал о себе.

И ушла.

Он лёг. Не кровать. Матрас. Тонкий. На полу. В углу. Одеяло — грубое, пахнет чужим стиральным порошком. Он лёг. Не разделся. Не снял обувь. Просто лёг. На бок. Спина к комнате. Лицом к стене.

Стена была холодная. Шершавая. Настоящая. Он прижался к ней щекой. И почувствовал: здесь. Не в коридоре. Не в чужом беге. Не в своей квартире, которая больше не его. Здесь. На матрасе. В чужом месте. Среди чужих людей. Но — здесь. Живой. Дышащий.

В голове было тихо. По-настоящему. Впервые с момента иглы. Ни шевеления. Ни всплеск. Ни чужого бега. Просто тишина. Не пустая. Новая. Как тишина после грома. Когда уже отгремело, но воздух ещё дрожит.

Он закрыл глаза.

Не уснул. Не сразу. Лежал. Дышал. Слушал. Где-то далеко гудела труба. Где-то капала вода. Кто-то в углу перелистнул страницу. Живые звуки. Настоящие. Реальные.

И на самой границе сна, там, где мысли уже не мысли, а просто тени, он почувствовал: внутри кто-то повернулся. Не проснулся. Не заговорил. Просто повернулся. Как человек во сне, которому неудобно. Устроился. Затих.

Спит. Оно спит.

И он уснул.

Утро не принесло ответов. Но принесло голос, который сказал: «Вставай. Поговорим».

Глава 4. Что им нужно

Утро пахло пылью и чужим кофе.

Он проснулся не сразу. Сначала — тело. Спина затекла. Шея ныла. Пальцы онемели от того, что всю ночь сжимал край матраса. Потом — свет. Ранний, мутный, пробивающийся сквозь грязное окно. Потом — звуки. Голоса. Тихие. Далёкие. Кто-то жил. Кто-то двигался. Кто-то был, пока он спал.

Он сел. Голова тяжёлая. Не от сна. От вчерашнего. Оно не ушло. Не растворилось. Не оказалось кошмаром. Точка на шее — там. Пальцы нашли её сразу. Маленькая. Гладкая. Настоящая.

Кто-то поставил рядом стакан. Вода. Рядом — что-то завернутое в бумагу. Еда. Простая. Хлеб. Что-то солёное. Он съел. Механически. Просто топливо. Чтобы тело работало. Чтобы встать. Чтобы идти.

Куда — он не знал.

За ним пришли через час. Не грубо. Не с конвоем. Просто: «Пойдём. Тебя ждут». Голос ровный. Усталый. Тот же, что вчера сказал «ты в безопасности». Он встал. Пошёл. Ноги слушались лучше. Голова — нет.

Комната. Не та, где он спал. Другая. Больше. Стол. Длинный. Несколько стульев. На стенах — те самые карты. Линии. Точки. Пометки. Он не понимал их. Не знал, что они значат. Но чувствовал: это важно. Для них. Для всех, кто здесь.

За столом — трое. Не много. Не мало. Достаточно, чтобы чувствовать: это не случайность. Не спасение. Решение. Они сидели. Ждали. Смотрели на него без вражды и без тепла — оценивающе, так смотрят на то, что нужно использовать.

Один из них заговорил. Мужчина. С лицом усталым. Но не сломанным. Просто ношеным. Он потёр переносицу. Медленно. Двумя пальцами. Как человек, который объяснял это уже много раз. И всё равно будет объяснять.

— Садись.

Он сел.

— Тебе нужно знать несколько вещей. Не всё. Но достаточно.

Пауза. Не для драмы. Для того, чтобы подобрать слова.

— То, что с тобой сделали — это не нападение. Не в их понимании. Для них это процедура. Техническая. Необходимая. Они не видят в ней зла. Как ты не видишь зла в том, чтобы отправить письмо.

— Что они со мной сделали? — Голос хриплый. Будто чужой.

Мужчина посмотрел на него. Терпеливо. Как смотрят на того, кто ещё не понял.

— Организация, — сказал он. — Они управляют всем. Не миром. Не страной. Всем. Каждым миром. Каждой связью между ними. Каждой жизнью, которая существует в мультивселенной. Они решают, кто живёт. Кто нет. Без суда. Без права на голос.

— Мультивселенной, — повторил он. Глупо. Как будто слово было слишком большое для рта.

— Да.

— Это...

— Не знаю, как тебе объяснить проще. — Мужчина потёр лицо ладонью. Устало. — Миры. Много. Связаны. Кто-то должен держать связи. Они держат. Но держат по-своему. Решают, кому существовать. Кому нет.

Он замолчал. На секунду отвлёкся. Поправил что-то на столе. Бумагу. Которая лежала ровно. Но он поправил. И сказал, не поднимая глаз:

— Извини. Привычка. Я раньше детям рассказывал. Историю. Всегда поправлял, когда кто-то не слушал.

И вернулся. К теме. К словам. К тому, что нужно было сказать.

— Знаешь, что они сделали с одним из миров? — Мужчина наклонился вперёд. Голос стал тише. Не для драмы. Для веса. — Там была эпидемия. Настоящая. Люди умирали. И они решили: не лечить. Архивировать. Потому что лечить — дорого. Потому что ресурсы нужны в другом месте. И три миллиона человек кончились. Не от болезни. От подписи. Потому что кто-то решил, что дешевле закрыть, чем вылечить.

Пауза. Он смотрел на героя. Не мигая.

— Три миллиона. Люди. С именами. С пирогами по выходным. С детьми, которые только ходить научились. И кто-то там, наверху, посмотрел на смету и сказал: невыгодно. И подписал. И всё.

Он замолчал. Переваривал. Не мог.

— А мы, — мужчина кивнул на комнату, на карты, на людей, — те, кто не согласен. Те, кого они сломали. Те, у кого они забрали всё. И мы хотим, чтобы машина остановилась.

Вторая — женщина. С короткими ногтями, обкусанными до мяса. Она не говорила. Слушала. И крутила в пальцах карандаш. Не писала. Крутила. И обкусывала ноготь на мизинце. До мяса. До розового. Не замечала. Или замечала и не могла остановиться.

Третий — самый молодой. Не говорил. Не смотрел на героя. Рисовал. На полях блокнота. Карандашом. Тихо. Не слушал. Или слушал и рисовал одновременно. Что-то. Линии. Тени. Не поднимал глаз. К каждому лицу, которое он выводил, он добавлял одну деталь, которой не было на экране. Очки. Шарф. Родинку на щеке. Чтобы они были не жертвами. А людьми.

— А я? — спросил он. — Зачем я?

Мужчина посмотрел на него. Долго.

— Потому что ты — его лицо.

Тишина.

— Глава организации. Тот, кто сидит наверху. Тот, кто принимает решения. Ты — его двойник. Не случайный. Не отдалённый. Максимально приближённый. И то, что тебе вкололи — это не яд. Не оружие. Это он. Его память. Его знания. Его способности. Возвращаются. Медленно. По частям. Но возвращаются.

Он почувствовал, как внутри что-то сжалось. Не страх. Хуже. Понимание. Тот бег. Тот коридор. Та срочность. Не чужое. Его. Того, второго. Который жил в нём и становился всё громче.

— Почему я? — спросил он. — Почему не кто-то другой?

Мужчина отвёл глаза. На мгновение. Вернул.

— Двойников было трое. Первый треснул. Не выдержал. Память главы — это не вода. Это кислота. Первый принял и сломался на третий день. Второй отказался. Сам. Сказал: не буду. И его отпустили. Третий — ты. Пустой. Не сломанный. Не полный. Не сопротивляющийся. Пустой. Как комната без мебели. И в пустоту можно влить. В полного — нельзя. Полный треснет. А пустой — примет. Медленно. По чуть-чуть. И не заметит, как стал не собой.

Он молчал. Переваривал. Не мог. Слишком много. Слишком быстро. Вчера он заполнял таблицы. А сегодня ему говорят, что он — лицо того, кто управляет всем. Что он третий. Что первые двое не справились. Что он — последний вариант.

— Они хотели тебя вернуть. Завершить процедуру. Сделать тебя им. Но ты сбежал. И теперь ты здесь. И мы можем это использовать.

— Как?

Мужчина наклонился вперёд.

— В их системе есть живая подпись главы. Одна. Единственная. Она держит всё. Стены. Связи. Пульс. Если изъять её из ядра и перенаправить в три точки одновременно, миры перей-

дут в автономный режим. Не рухнут. Станут независимыми. Мы изучали пульс три года. Есть расчёты. Три узла связи. Одновременно. В одну секунду. Свобода. Настоящая. Для всех.

Он молчал. Переваривал.

— Подпись охраняется, — продолжил мужчина. — Так, что никто из нас не может к ней подойти. Никто. Кроме того, кто выглядит как глава. Чьё лицо откроет двери, которые не откроются ни для кого другого.

Он поднял глаза.

— Вы хотите, чтобы я украл у него. У себя.

Не вопрос. Утверждение.

Мужчина не ответил. Не нужно было. Ответ был в тишине. В том, как смотрели на него трое за столом. Не просили. Не уговаривали. Ждали.

Женщина с карандашом перестала крутить. Положила карандаш на стол. Тихо. Как ставят точку.

Молодой поднял глаза от блокнота. От рисунка. Посмотрел на героя. Впервые. Прямо. И сказал. Тихо. Почти себе.

— Я рисую их лица. Тех, кого остановили. Чтобы не забылись. Чтобы кто-то помнил. Хотя бы на бумаге.

Пауза. Он опустил глаза. К рисунку. А на полях блокнота — лицо. И добавил к нему родинку. Маленькую. На скуле. Которой не было. Чтобы он был не инструментом. А человеком.

И добавил. Ещё тише.

— Если не ты, то никто.

И замолчал. Как будто сам испугался того, что сказал.

— А если я не хочу?

Тишина. Пустая. Как будто вопрос прозвучал на языке, которого здесь не понимают.

Никто не ответил. Не нужно было.

И тогда он сказал. Тихо.

— Мне нужны сутки.

Мужчина посмотрел на него. Не удивился. Не разозлился. Кивнул. Коротко. Как кивают тому, кто взял себе маленькое. Маленький акт воли в ситуации, где воли нет.

И добавил. Тихо. Не по теме. Как говорят то, что нужно сказать, пока не забыл.

— У меня дочка. Ей девять. Она думает, что я в командировке.

И всё. Не объяснил. Не развил. Просто сказал. И вернулся к бумагам. Как будто ничего не было. Но было. И он услышал. И запомнил.

Она появилась в конце.

Не села за стол. Не представилась. Просто вошла. Встала у стены. Руки скрещены. Смотрит. Не на него. Сквозь. Как вчера. Мельком. Скользнула. Оценила. Зафиксировала.

Мужчина за столом кивнул в её сторону.

— Это твой куратор. Она будет с тобой. Каждый день. Каждый шаг. Она знает систему. Знает, как ты должен двигаться. Что говорить. Как выглядеть. Слушай её.

Она не улыбнулась. Не кивнула. Не сказала «привет». Просто посмотрела на него. Прямо. Впервые. Не сквозь. На. И в этом взгляде не было тепла. Не было холода. Была задача. Он был задачей. Строчкой в плане. Пунктом.

— Отдыхай сегодня, — сказала она. Голос ровный. Рабочий. — Завтра начинаем.

И вышла. Дверь. Щелчок. Тишина.

Он сидел. Трое за столом собирали бумаги. Вставали. Уходили. Комната пустела. Оставался он. И стул. И стол. И карты на стенах, которые он не понимал.

Он вышел. Остановился. Посмотрел на свои руки. На пальцы. На ладони, которые когда-то хотели создать. Построить. Открыть. Своё.

А теперь они будут красть. Носить чужое лицо. Чужую жизнь. Чужую подпись.

Он пошёл. Дальше. По коридору. В свою комнату. На свой матрас. Лёг. Закрыв глаза.

В общей комнате молодой сидел один. Рисовал. Не лица. Руки. Десятки рук. Разных. Сжатых. Разжатых. Держащих. Отпускающих. К каждой руке он добавлял что-то, чего не было в реальности: кольцо, браслет, шрам. Чтобы руки были чьими-то. Не абстрактными. Женщина с карандашом подошла. Посмотрела. Не сказала ничего. Просто положила рядом с ним кусок хлеба. И ушла. Он не поднял глаз. Но взял. И ел. И рисовал дальше.

Глава 5. Архив

На следующий день его привели в другую комнату.

Меньше. Темнее. Экран в центре. Стулья. Несколько человек уже сидели. Не разговаривали. Не смотрели друг на друга. Смотрели на тёмный экран. Как смотрят на могилу, которую не засыпали.

Его посадили. Рядом — никого. Пусто слева. Пусто справа.

Мужчина с ношеным лицом встал у экрана. Посмотрел на него. Не на всех. На него.

— Ты должен увидеть. Перед тем как мы начнём. Чтобы ты понял, что они делают. Не в отчётах. Не в словах. В лицах.

Нажал. Экран ожил.

Город.

Живой. Не его город. Другой. Другое небо. Другой воздух, почти чувствуется через экран. Люди шли. Говорили. Смеялись. Кто-то кричал из окна — не зло, просто звал кого-то. Кто-то бежал, опаздывая. Кто-то стоял и целовал кого-то. Прямо на улице. Не стеснясь. Живые. Настоящие. Горячие.

Камера двигалась. По улице. По лицам. По рукам.

А потом — конец.

Не взрыв. Не огонь. Не крик. Просто всё. Одновременно. Все. Сразу. Замерли. Некоторые стояли. Но не двигались. Не дышали. Не моргали. Не жили.

Девочка. Лет шесть. Бежала. За кем-то. За мамой. Не догнала. Ноги в беге. Волосы назад. Рот открыт. Смеётся или зовёт — не понять. Не понять уже никогда.

Женщина. На середине шага. Нога в воздухе. Рука поднята. Машет кому-то. Кому — не видно. Машет. И не опустит. Не устанет. Не уйдёт. Не скажет «до завтра». Потому что завтра нет. Никогда не будет.

От подписи.

Экран двигался. Медленно. По мёртвым. По лицам, которые не изменятся. По глазам, которые не закроются. По рукам, которые не опустятся. По городу, который был. И кончился. Не разрушен. Не сожжён. Отменён. Вычеркнут. Как ошибка в таблице. Как лишний файл.

Тишина в комнате. Тяжёлая. Давящая. Как будто воздух стал плотнее.

И голос. Рядом. Дрожащий. Тихий. Но живой. Всё ещё живой. Всё ещё болеющий.

— Там моя мать была.

Он повернул голову. Мужчина. Не старый. Сидит. Смотрит на экран. Не моргает. Не плачет. Но руки — на коленях. И пальцы вдавлены в ткань брюк. Так, что побелели.

— Она мне звонила. За час до. Сказала: «Приезжай на выходных. Пирог испеку». Я сказал: «Хорошо, мам». И не поехал. Не успел.

Голос оборвался. Не заплакал. Просто оборвался. Как будто дальше не было слов. Не было воздуха. Не было ничего.

Тишина. Ещё одна. Длиннее первой.

Другой голос. Сзади. Женский. Злой. Тихий, но злой. Зубы сжаты. Сквозь зубы.

— А там моя сестра. И племянник. Ему три было. Три. Он только ходить научился. Три месяца как.

Короткая пауза. Тяжёлая.

— Я не могу смотреть на детей. С тех пор. Не могу. Выхожу из комнаты, когда вижу.

Он не мог дышать. Буквально. Грудь не расширялась. Воздух не шёл. Как будто комната стала меньше. Как будто стены сдвинулись. Как будто мёртвые на экране смотрели. Не в камеру. На него. На всех. На живых. И ждали. Не помощи. Не спасения. Просто смотрели. Потому что больше не могли ничего.

Кто-то в комнате встал. Вышел. Не хлопнул дверью. Просто встал. Ушёл. Не вернулся. Не смог.

Ему было понятно.

Он посмотрел на неё.

Куратор стояла у стены. Не сидела. Стояла. Прямо. Смотрела на экран. Не на него. На них. На мёртвых. На тех, кто не моргнёт.

И он увидел: она не моргает. Не дышит. Почти. Как будто сама там. С ними. Среди застывших.

И в один момент — один — она дёрнулась. Не шагнула. Не вскрикнула. Просто дёрнулась. Как от удара. Плечи. Спина. На долю секунды. И замерла. Выпрямилась. Собрала себя обратно. В форму. В работу.

Он не понял. Не спросил. Просто заметил. Что-то в ней треснуло на секунду. И склеилось. Мгновенно.

Но он смотрел.

И она отвернулась. Не от экрана. От себя. От того, что на секунду вышло наружу. И снова — стена. Снова — взгляд. Рабочий. Ровный. Ничего не было.

Экран погас.

Тишина. Мёртвая. Такая, в которой слышно, как у кого-то дрожат руки. Как кто-то не плачет. Потому что плакать — значит признать, что это можно пережить. А это нельзя. Это просто есть. В них. Навсегда. Не заживёт. Не пройдёт. Не станет легче. Просто научишься дышать вокруг этого.

И тогда женщина с карандашом сказала. Тихо. Не по теме. Как говорят то, что нужно сказать, чтобы не закричать.

— Я обещала ей позвонить. В четверг.

Никто не повернулся. Никто не спросил, кому. Она не повторила. Не объяснила. Просто сказала. В пустоту. В тишину. В экран, который уже не светился. И замолчала.

Мужчина с ношеным лицом встал. Посмотрел на него.

— Это не война. Не бойня. Не злоба. Это процедура. Кто-то там, наверху, посмотрел. Решил. И двенадцать миллионов человек кончились. Без суда. Без слова. Без права на последнее «прощай».

Пауза.

— И они сделают это снова. Завтра. Послезавтра. С любым миром. С любым из нас. Если мы не остановим машину.

Он сидел. Не двигался. Не дышал. Смотрел на тёмный экран. На своё отражение. Размытое. Нечёткое. Чужое.

Он встал. Быстро. Вышел. Коридор. Остановился. Дышал. Не мог. Дышал. Стоял. Не двигался. Не мог отойти от двери. Потому что если отойдёт — вернётся туда. В комнату. К экрану. К девочке, которая бежала и не добежала. К женщине, которая машет и не опустит руку.

В голове, там, где жил второй, там, где спал тот, кого в него влили, — было тихо. Ни бега. Ни срочности. Ни коридора.

Просто тишина.

И точка на шее. Холодная. Маленькая. Метка того, что он теперь часть этой машины. Что она уже в нём.

Она вышла из комнаты показа. Коридор. Остановилась. И считала. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. И пошла дальше. Потому что десять — это достаточно. Больше нельзя. Больше — значит вспомнить. А вспомнить — значит не смочь завтра. А завтра будет. Всегда будет. И она будет. Потому что некому больше.

Ночью, когда все спали или делали вид, она сидела в своей комнате. Не работала. Не чертила. Не планировала.

Раковина в углу. Маленькая. Эмалированная. С трещиной у слива. Она открыла кран. Вода потекла. Тонкая. Прозрачная. Взяла кружку. Свою. С отколотым краем. Помыла. Поставила. Взяла снова. Помыла. Поставила. Взяла. Помыла.

Не потому что грязная. Не потому что нужно было. Просто мыла. Руки двигались. Вода текла. Губка скользила по эмали. И она не думала. Не считала. Не планировала. Просто мыла кружку. Третий раз. Четвёртый. Не считала.

Потом закрыла кран. Поставила кружку. Вытерла руки. Посмотрела на них. Мокрые. Красные от воды. Свои.

И вернулась к столу. Села. Положила ладонь на стол. Плоско. Как проверяют температуру. И подумала: *Семь лет.*

И убрала руку. И легла. На бок. Лицом к стене. Не закрыла глаза. Смотрела на трещину у потолка. Которая была здесь всегда. Которую она видела каждый вечер. И не видела. А сейчас — видела.

И через минуту встала. Взяла карандаш. И написала на листе: «Завтра. Плечи. Подбородок. Голос.» Как всегда. Как нужно.

И уснула. Не сразу. Но уснула.

Глава 6. Подготовка

День третий начался с плеч.

— Опusti.

Он опустил.

— Ниже. Ещё. Он не поднимает плечи. Никогда. Даже когда устал. Даже когда зол. Плечи всегда здесь.

Он опустил ещё. Неудобно. Непривычно.

— Хорошо. Теперь походка. Не торопись. Он не торопится. Никогда. Даже если опаздывает. Даже если горит. Шаг ровный. Спина прямая. Подбородок чуть вниз. Не смотрит вверх. Не смотрит по сторонам. Смотрит перед. И все остальные отводят глаза первыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.